

ДРИМХАКЕРЫ

БЕРЕГ МОЛНИЙ

АНДРЕЙ ОДРИНСКИЙ

ПОМНИШЬ, КАК ИЗМЕНИТЬ ВСЁ?

Андрей Одринский

**Дримхакеры. Берег
Молний. Рассказ**

«Автор»

2026

Одринский А.

Дримхакеры. Берег Молний. Рассказ / А. Одринский — «Автор»,
2026

Остров ждал его тысячелетия. Скала хранила тайну. Но откровение стоило жизни. И чтобы её обрести, Андрею пришлось умереть. Заключённый бежит из зоны через магический лаз и попадает на остров, созданный древней цивилизацией. Там он находит скалу с буквой «А», вызывает бурю, теряет кольцо-якорь, умирает от молнии — и встречает фигуру из света, которая называет его Творцом. А в это время на старой даче семь человек держат круг, чтобы вернуть его тело к жизни. Мистическая притча.

© Одринский А., 2026

© Автор, 2026

Андрей Одринский

Дримхакеры. Берег Молний. Рассказ

Остров ждал его тысячелетия. Скала хранила тайну. Но откровение стоило жизни. И чтобы её обрести, Андрею пришлось умереть.

Заключённый бежит из зоны через магический лаз и попадает на остров, созданный древней цивилизацией. Там он находит скалу с буквой «А», вызывает бурю, теряет кольцо-якорь, умирает от молнии — и встречает фигуру из света, которая называет его Творцом. А в это время на старой даче семь человек держат круг, чтобы вернуть его тело к жизни. Мистическая притча.

Реальность – неизвестна.

Андрей стоял на плацу кирпички, покорно ожидая окончания поверки. Солнце жгло затылок, земля плавилась под ногами, и воздух был душным, как петля на шее. Он не знал, сколько продлится этот день и сколько ещё он сможет выдержать таких дней.

Над зоной вихрем промчался раскалённый поток ветра, громылая ржавым железом продавленных крыш. Шквал из пустыни сек мелким песком лица, заставляя щуриться и задерживать дыхание. Небо стремительно затягивали свинцово-багровые тучи.

А потом пришёл дождь.

Сначала — редкие, тяжёлые капли, которые с шипением впитывались в раскалённую землю, оставляя на ней тёмные, быстро расплывающиеся пятна. Они падали с неестественно низкого, тёмного неба, которое всего час назад было белым от зноя. Капли были тёплыми, почти горячими, как чужая кровь. Андрей подставил лицо — вода обожгла обветренную кожу, смешалась с пылью и потом, потекла по щекам мутными ручьями.

И разверзлось небо.

Это был не просто ливень. Это был потоп. Вода обрушилась на зону сплошной массой, с грохотом, похожим на обвал. Она заливала плац, превратив песок в жидкую, вязкую кашу. Хлестала по лицам, заливала глаза, мешала дышать. Она была везде — в бараках, в столовой, в карьере. Потоки просачивались сквозь щели в крышах, навесах, затапливая всё вокруг.

Но на кирпичку возили всегда.

Люди стояли на плацу промзоны, сгорбившись под этим бесконечным водопадом, и молчали. Кто-то пытался укрыться под козырьками цехов, но конвоиры, мокрые и злые, дубинками выгоняли обратно.

Дождь не прекращался. Он шёл час, два, три. Запах сырости смешался с привычным смрадом гнили, и от этого становилось ещё тоскливее.

— Печь! — раздался новый крик, перекрывающий шум ливня. — Рухнувшую печь нужно разобрать! Иначе она затечёт глиной, и мы не сможем её восстановить! Всю падаль к цеху!

Их погнали к цеху. Там, где когда-то стояла печь, теперь была груда обгоревших кирпичей, покрытых слоем глины. Им раздали лопаты и кирки. Крышу уже успели разобрать, и они работали под дождём, разгребая завал. Кирпичи были скользкими и тяжёлыми. Глина забивалась под ногти, въедалась в кожу, смешивалась с кровью.

Андрей, сжав черенок лопаты, пошёл к печам. Рядом уже тащили брёвна, тачки с камнями и ржавыми прутьями. Кто-то — он даже не запомнил его лица — подошёл к нему, протянул пару тряпок: замотай руки, кожу сдерёшь. Андрей посмотрел на него. У того были пустые, серые глаза, как у всех здесь. Он взял тряпки, намотал на пальцы: — Спасибо! Тот кивнул, уходя.

Свод печи обрушился, и теперь он стоял перед той самой стеной, которая выросла на месте лаза. Воспоминание об этом внезапно обожгло его: как он тогда присел, заглянул под рельсы, как лаз был открыт — тёмный, холодный, — и в тот же миг началась поверка, и он вышел. А когда вернулся — лаза не было.

Но сейчас, глядя на кучу обломков, он увидел это снова. Сердце забилося частым ритмом: неужели? Это оно! Наклонившись, разглядел тонкую, почти незаметную щель меж камнями, из которой тянуло чем-то другим, нереальным, чужим. Он закрыл глаза на секунду, потом открыл. Щель была там.

Глины было много. Она была везде, как та текучая стена, что затянула его в пропасть тогда, в карьере. Когда он почти умер, захлебнувшись жижей. Он работал, не думая, и вдруг, сквозь серую пелену дождя, заметил что-то знакомое. Щель. Маленькая, почти незаметная, у самого края рухнувшей стены. Та самая щель, которую завалило при обвале. Теперь она была приоткрыта.

Он начал копать. Медленно, чтобы не привлекать внимания. Вокруг него, согнувшись под дождём, люди так же методично разбирали завал. Никто не обращал на него внимания. Все были как тени, потерянные в этом аду. Они перебирали кирпичи, отбрасывали их в сторону, и каждый из них был похож на другого — грязный, мокрый, безликий.

Прошёл час. Или два. Он потерял счёт времени. Копал, отрывая заплывающую нишу. Щель росла. Она становилась шире, глубже. И наконец он пробился. Внизу, под грудой обломков, зиял чёрный провал. Лаз, о котором говорил старик. Он был открыт.

Андрей замер, чувствуя, как кольцо под робой начинает вибрировать — тихо, но настойчиво, как второе сердце.

Старик говорил: кольцо — это якорь. Пока оно при тебе — есть путь назад. Потеряешь — останешься тут навсегда. Он оглянулся — никто не смотрел. Свет прожекторов разрезал потоки дождя, но они были направлены на другие участки. Конвоиры, укрывшись под навесом, курили и ругались на погоду. Их силуэты расплывались в водяной пелене, и они не видели его.

Это был шанс. Или смерть.

Не раздумывая, Андрей змеей скользнул в щель, чувствуя, как острые края камней рвут робу в лохмотья. Лаз был узким и тёмным. Душным. Холод обжигал только сначала, а потом тянулась затхлая темнота. Он полз на ощупь, чувствуя, как кольцо на груди становится всё горячее. Метка на его ключице отозвалась тупой, тянущей болью.

Он знал: это его единственный путь.

Тоннель извивался, то сужаясь, то расширяясь. Густой, спёртый воздух пах плесенью и тленом. Андрей испуганно полз в абсолютной темноте, не останавливаясь. Он не знал, сколько продлится этот путь. Может, минуту. Может, час. Но он знал, что должен продолжать идти. Или умереть.

Вдруг проход оборвался — и он провалился вниз. В бесконечную, мёртвую тьму.

Остров

Он падал.

Не вниз — сквозь. Время, воздух, даже звук — всё потеряло привычную плотность. Лаз, чавкающий склизкой глиной, узкий и тёмный, вдруг расширился, и Андрей провалился в пустоту, где не было ни верха, ни низа. Тело перестало его слушаться. Он просто летел, чувствуя, как кольцо на груди бьётся в такт сердцу, разгоняя тьму вокруг, оставляя за собой светящийся след.

Где-то далеко, в конце тоннеля, он увидел свет — не резкий, не жёлтый, а мягкий, золотистый, разливающийся, как рассвет. Он летел к нему, и каждый миг этого полёта был прекрасен...

А потом — тишина.

Он ударился о что-то тёплое и податливое, и лёгкие наполнились воздухом. Он был жив. И лежал на берегу. Белый, мелкий, тёплый песок под ним. Над ним больше не было свинцового неба зоны. Не было дождя, смерти, крови. Не было боли — только глухая, усталая пустота.

Он лежал на спине, глядя в небо. Оно было бесконечным, чистым, безупречно синим, без единого облака. И простиралось во все стороны, прозрачное, глубокое, как сама вечность. И в этой бесконечности не было ничего — ни самолётов, ни дыма, ни следов человеческой жизни. Только свет. Только воздух.

Он медленно, с трудом, повернул голову и увидел океан.

Он был здесь. Он существовал. Он дышал. Он говорил. Волны накатывали на берег, оставляя кружево пены на влажном песке, и уходили назад, чтобы вернуться снова. Они шептали что-то на языке, который он давно забыл, но всё ещё понимал. Их шум был ровным, мерным, успокаивающим — как сердцебиение мира, как дыхание планеты.

Он смотрел на океан, и слёзы текли по щекам. Он просто лежал и смотрел, чувствуя, как солёные ручейки жгут его обветренное лицо.

А потом — засмеялся. Тихо, неуверенно, хрипло. Смех вырывался из него, как воздух из прорванного шара. Он смеялся, и слёзы текли по лицу, и не было сил остановиться.

Он жив. Свободен. Он есть.

Андрей приподнялся на локтях. Песчаная толща была мягкой, нежной, живой. Он сжал пальцы, и крупинки заструились сквозь них — белые, сухие, первозданные. Каждая песчинка касалась кожи, как прикосновение, как напоминание о том, что он снова может чувствовать. Рядом с ладонью лежали обломки ракушек — розовые, перламутровые, с острыми краями, которые уже сточило море. Он провёл по ним пальцем, и они были гладкими, как стекло. Чуть дальше валялись влажные, бурые комки водорослей — тёмно-зелёные, скользкие, пахнущие морем и солью. Он коснулся их, и они были упругими, живыми.

Морской бриз — сухой, солёный, пахнущий йодом, водорослями, бесконечностью — трепал волосы. Он вдыхал ветер моря, и лёгкие наполнялись чем-то новым. Воздух был плотным, как бархат, и он чувствовал каждое дуновение, каждое прикосновение воздуха к коже. Светило грело спину, мягкое, не жгучее, и это тепло проникало в тело, в мышцы, в кости. Он чувствовал, как солнце согревает его после вечности холода, и это тепло было как объятие. Словно мама прижала ребёнка к груди, оберегая от всего мира...

Он поднялся на колени. Крошево набивалось между пальцами ног — горячее, шершавое, живое. Он чувствовал каждую крупинку, впивающуюся в кожу, и это было больно и приятно одновременно. Встал на ноги — медленно, пробуя на ощупь эту новую реальность. Ноги дрожали, но держали. Он стоял, чувствуя, как ветер шевелит волосы, как солнце греет лицо...

И тогда он побежал. Побежал, срывая вонючую робу. Отшвырнул в сторону, тут же забыв обо всём...

К океану.

Потому что тот звал, тянул, ждал. Он бежал, спотыкаясь, падая на израненные колени, вставая снова. Каждый шаг отдавался в ослабевших ногах болью, но он бежал. Смотрел на прибой, который приближался, и чувствовал, как колотится сердце в груди.

Он вошёл в него. И волна нежно обняла за щиколотки, за колени, за бёдра. Она была тёплой, невесомой, прозрачной, как стекло. Сквозь неё было видно дно — рябой песок, ракушки, его собственные ступни, погружающиеся в прохладу. Он шёл глубже, пока вода не коснулась груди, а потом упал.

Он нырнул в стихию, и она приняла его. Тёплая, невесомая, она смывала с него всё — грязь зоны, глину карьера, кровь старика, вшей, страх, запах смерти. Он чувствовал, как она проникает в каждую пору, в каждый волосок, в каждый уголок его тела. Вода была как живое существо — она обнимала его, ласкала, очищала. Он чувствовал, как соль проникает в рот, в нос, в глаза, и это было приятно — ещё одно напоминание о том, что он жив.

Он вынырнул, сделав глубокий вдох. Свет ослепил его, и он зажмурился, но не закрыл глаза. Вода стекала с лица, волос, плеч. Он смотрел на океан, на небо, на берег и чувствовал, как внутри него поднимается что-то огромное. Это была не радость и не счастье. Это было возвращение. Возвращение в тело, которое он забыл. В кожу, которая помнила, как быть чистой. В дыхание, которое не боялось следующего вдоха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.